

Лариса САДЬКОВА

«РУССКИЕ НОЧИ» В. ОДОЕВСКОГО: СТРАТЕГИИ ЭССЕИЗАЦИИ

Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія.

Випуск 1(35) 2016

УДК 82-4:992

Садикова Л. «Русские ночи» В. Одоевского: стратегии эссеизации; 9 стор.; бібліографічних джерел – 10; мова – російська.

Анотація. У статті розглядаються стратегії есеїзації, експансії принципів есеїстичного письма у сферу роману В.Одоєвського «Русские ночи». Чітко визначені погляди письменника: поєднання літературного та філософського дискурсів, інтелектуальна насиченість, діалогічність, фрагментарність, націленість на пошуки, синтетичність. Вони суттєво модифікують природу роману, створюють його нову естетичну якість і гібридну форму – роман-есеї.

Ключові слова: російська есеїстика, роман-есеї, стратегії есеїзації, метапроза.

Надобно вывести на свет те поэтические мысли,
которые являются мне и преследуют меня;
надобно вывести те философские мысли,
которые открыл я после долгих опытов и страданий...

В. Одоевский

Классику русской эссеистики XIX века составляют эссе и отмеченные эссеистическим модусом тексты произведений К. Батюшкова, В. Одоевского, П. Чаадаева, А. Пушкина, Н. Гоголя, Ф. Достоевского Л. Толстого, А. Герцена.

Цель статьи – описание стратегий эссеизации в художественном пространстве «Русских ночей» В.Ф.Одоевского.

Обзор научно-популярной литературы показывает отсутствие единого мнения о жанровом статусе романа. В. Маймин характеризует «Русские ночи» как «произведение уникальное по мысли, по характеру композиции, по жанровой своей природе. Это одновременно и роман, и драма, и философский трактат, и дидактическая книга», но в самом общем виде квалифицирует как «философский роман» [4, с. 138]. А. Хамина полагает, что ««Русские ночи» представляют синтез нескольких литературных жанровых форм (роман, философско-эстетический трактат, цикл новелл и повестей, драма)» [8, с. 138]. Казимира Лис отмечает, что «форма «Русских ночей» Одоевского соединяет черты драмы, эпоса, лирики, музыкальных произведений, а также элементы публицистики, философского трактата и научной литературы» [1, с. 138]. В.Одоевский пишет о своем творении как о «сопряжении всех предварительных работ, соединенных в беспорядке собственных наблюдений, путевых заметок, писем, к ним писанных, разных необделанных материалов, к ним доставленных» [7, с. 26-27].

Такого рода художественные эксперименты обозначены понятием «эссеизация» (М. Эпштейн) – внедрение принципов эссеистического письма в тексты, при этом существенно модифицируется их природа, проявляется новое эстетическое качество

и новые гибридные формы, к примеру, роман-эссе, рассказ-эссе, что и проявилось в литературе XIX – XX веков: «Заметное в XIX – XX веке стремление художников и мыслителей к синтетическому мироощущению и миропостижению позволяет говорить об «эссеизации литературы и философии» этого времени» [10, с. 140].

«Русские ночи» – это роман-эссе, поскольку в нем в равной степени представлены элементы жанра романа (четко выраженная центрирующая идея, сюжетная и событийная линии) и жанра эссе (открыто выраженная авторская позиция, сюжет мысли, интеллектуальная насыщенность, диалогичность, фрагментарность, нацеленность на поиски, синтетичность).

Проследим механизмы эссеизации. Центрирующая идея «Русских ночей» оформлена в эссеистическом ключе как мысле-образ. Примерами мысле-образов в русской традиции эссеистического письма могут служить – «Невский проспект» Н. Гоголя, «Русский Нил» В. Розанова, «Сад камней» Д. Гранина, «Бог деталей» М. Эпштейна, «Блуд труда» Д. Быкова, «Бесконечный тупик» Д. Галковского.

Дискуссии относительно концептуализации «ночи» отражают сложную структуру названия романа. В. Маймин усматривает проявление традиций романтизма, для которых «ночь – это время и условие познания, время духовной ясности и раскрепощения мысли» [4, с. 138]. Ю.Манн выделяет в художественной ткани произведения антитезу «свет (солнце) – тьма, сумерки (ночь, полночь) <...>. Противопоставление реализуется на символическом уровне (свет – символ истины, ночь – символ поиска, блуждания)» [5, с. 138]. Кюно Ясухико соотносит антитезу "ночь – свет" с Россией (свет) и Европой (тьма): «Россия на пути к

свету, истине, а Европа на закате своего развития» [3, с. 138]. Ряд иных версий не комментируем, но с ними интересно познакомиться не только специалистам.

Заглавие «Русские ночи» не произвольное, а глубоко осмысленное и символическое название, и как показал анализ произведения, посвященного сложным вопросам русской жизни и русской истории, неутомимых и трудных поисков ответов на «проклятые вопросы» русской жизни, выполняет роль кода к содержанию всего произведения, что соответствует, с одной стороны, стратегиям эссеистического письма (*постановка глобальной проблемы*), с другой, отражает *особое художественное видение писателя*, в котором просматривается его гражданская гуманистическая позиция: «все стремление человека – выйти на свет» [7, с. 203]. Пафос победы света (добра и истины) над тьмой (злом и невежеством) концептуален для писателя. Вторая часть названия – «о необходимости новой науки и нового искусства» отражает отрицание старого, отжившего и утверждение нового, прогрессивного.

Интеллектуальная интрига названия отражает художественное мышление В.Одоевского и находит свое продолжение в тексте произведения, в его интеллектуальной насыщенности. Философско-концептуальный анализ метафизических проблем бытия, философских и религиозных аспектов человеческой жизни, жизни человеческого разума осуществляются в едином поле философского и литературного дискурсов: «Русская философская мысль, такая глубокая и своеобразная, получила свое глубокое выражение именно в художественной литературе» [9, с. 35]; в едином поле познания и самопознания: «...было и есть нечто такое в русском бытии, что не позволяло и сейчас не позволяет дать совершенно четкие и рациональные объяснения, которые вполне возможны и в Западной Европе, и в Америке. Именно этим объясняется тот факт, что литература была своего рода стержневой областью русского самопознания» [2, с. 54]).

Проблема самопознания как одна из ключевых проблем «Русских ночей» определяется мыслителем как путь к истинному знанию и нравственности как для отдельного человека, так и для общества: «акт нравственного самопознания чрезвычайно труден для человека», «самое затруднительное для писателя: говорить о самом себе» [7, с. 184]. Он объясняет это тем, что «лишь страдания выжимают из души светлую живую плодоносную мысль» [7, с. 199].

Задача писателя – не просто описать эпоху, показать мир в его истинном жутком и мерзком свете, а заставить задуматься над экзистенциальным Злом. Перед нами поиски ответов на вопросы – как искоренить Зло, существующее в мире, вернуть счастье и радость жизни людям, ключи – возрождение нравственности, а помочь человечеству

должны новое искусство и новая наука – наука о нравственности.

Нацеленность эссе на исследование общеподобных философских проблем соответствует общей интенциональности русской литературы: актуализация разнообразных проблем философского порядка, среди которых проблема добра и зла приобрела определенную художественную специфику и особую остроту в силу объективных и общелитературных причин. Именно проблема добра и зла, рассматриваемая в различном контексте, связана с постижением национального своеобразия, исторической судьбы страны.

Интерпретируя проблему добра и зла, В. Одоевский концептуален и эмоционален. Здесь высокая концентрация средств экспрессивного синтаксиса: восклицательные фразы, риторические вопросы, вопросы-ответы в размышлениях о просвещении и его роли в жизни общества, о гибели народов и цивилизаций, о политических переворотах: ««Просвещение! Наш XIX век называют просвещенным...», а «Что вокруг нас?» [7, с. 10]. «Везде вражда, смешение языков, казни без преступлений и преступления без казни, а на конце поприща – смерть и ничтожество. Смерть народа... страшное слово» [7, с. 11] «Ты говоришь о пользе просвещения? Но твои руки окровавлены. Ты говоришь мне о вреде просвещения? Но ты косноязычен... Ты мне говоришь о форме правления? Но где та форма, которую ты доволен. Ты мне говоришь о религиозном чувстве? Но смотри – черное платье твое опалено костром, на котором терзался брат твой» [7, с. 11]. «Каким образом в течение веков являются народы, процветают, наполняют всю землю своею славою и гибнут без возврата». [7, с. 192]. «Политические перевороты не дают достаточного разрешения. Сим переворотам предшествует ослабление нравственных и физических сил народа, и вышеупомянутый вопрос лишь обращается в другой, труднейший: каким образом народ является на поприще жизни, достигает полного развития сил своих. Потом гибнет и погибает? Каким образом внутреннее побуждение народа может довести его до гибели?» [7, с. 193]. «Если мы найдем стихии человечества и условия их разрушения, тогда найдем и причины падения и возвышения народов» [7, с. 194]. Писатель задается вопросом: «Действительно ли просвещение не способствует ни нравственности, ни благоденствию человечества?» [7, с. 195-196].

Острая саморефлексивность русской литературы, ее обращение к проблемам творчества, миссии писателя, его взаимоотношениям с окружающим миром привели к формированию *метапрозы* – литературы о литературе (о писательском труде). Ее актуализация в русской литературе XIX века прослеживается на примере «Русских ночей»: художественные рефлексии проблем поэта и поэзии, литература рассматриваются как квинтэссенции национальной культуры, фигуры классиков и их тексты

интерпретируются как знаковый код, шифрующий пласты реальности. Присутствует ориентация на примеры, почерпнутые из художественных текстов: «дело поэта – мир между всеми и торжество искусства» [7, с. 200]; «первообразы поэтические являются душе лишь во время ее инстинктуально-го состояния» [7, с. 201]; «...наука должна стать поэтической», «...поэзия должна стать ученою, обнимать наш мир не в умозрении только, но в действительности: это инстинктуально понимают поэты нашего времени; они чувствуют, что в наше время поэт-невежда невозможен. Наше время есть приурочивание к новой форме души человеческой, где поэзия с наукой сольются» [7, с. 216-217]. Писателем рефлектируются такие понятия как «естественная поэтическая стихия», «поэтическое проницание», «поэтический путь познания».

Поисковость эссе заявлена французским мыслителем М. Монтенем: «Всякий, ищущий решения какого-нибудь вопроса, в конце концов приходит к одному из следующих заключений: он либо утверждает, что нашел искомое решение, либо – что оно не может быть найдено, либо – что он все еще продолжает поиски» [6, с. 12]. Это соответствует «нацеленности» В.Ф. Одоевского на художественное и научное познание мира и человека, поиски ответов на волнующие авторов вопросы окружающего бытия: «Что такое мы? Зачем мы живем? В самом ли деле мы понимаем друг друга? То ли мы произносим, что мыслим? То ли мы слышим, что произносит язык?....» [7, с. 24].

Взгляды В.Одоевского на проблему России и Запада отмечены противопоставлением России Западу и его "загнивающей культуре", верой в цельность русской жизни и русского сознания, мыслями об особом "мессианском" призвании России. Риторика размышлений эссеистична. Присутствуют риторические вопросы, вопросы-ответы, соборное «Мы» как проявление коллективного сознания: «Горькое и странное зрелище! Мнение против мнения, власть против власти, престол против престола, а вокруг сего раздора – убийственное равнодушие! Наука погибает. Запад гибнет! Неужели в самом деле такая судьба ожидает это гордое средоточие десяти веков просвещения? Где ныне народ, хранящий в себе тайну спасения мира? Где сей призванный? Где он? Мы поставлены на рубеже двух миров: протекшего и будущего; мы новы и свежи; мы непричастны преступлениям старой Европы. Все должны ожи-

вить мы! Наш дух вписать в историю ума человеческого, как имя наше написано на скрижалях победы. Другая, высшая победа – победа ума, науки и искусства и веры – ожидает нас на развалинах дряхлой Европы. Тебе новое поколение, тебя ждет новое солнце, тебя» [7, с. 146-148].

Диалогичность как жанровый императив эссе проявляется в высокой концентрации разнообразных диалогических форм, оформляющих монологическую речь автора, его мыслей и идей, взглядов и суждений, комментариев и дидактических наставлений, обеспечивающих его личную позицию и оценку негативных явлений русской жизни, его гражданскую позицию борца за лучшее будущее русского человека и человечества. Более подробно проблему диалогичности рассмотрим в рамках отдельной статьи.

Фрагментарность как форма реализации мысли, отслеживание самого процесса постижения себя и реальности моделирует интеллектуальную картину мира через ассоциативные связи, обрывочные мысли, столкновение мнений героев. «Жизнь мысли и драма мысли» (В. Маймин) русского «Фауста» отражают его художественное мышление и гражданский пафос.

«Русские ночи» В.Ф. Одоевского – это поэтическая рефлексия общественно-политических событий и культурологической ситуации XIX века. Философские, идеологические и художественные императивы «Русских ночей» определяют дальнейшее развитие русской философии и литературы, а «интеллектуальная насыщенность» и «метаязык» ведут к «сложному искусству» XX века («Доктор Фаустус» и «Роман одного романа» Т. Манна, «Мастер и Маргарита» М. Булгакова, «Доктор Живаго» Б. Пастернака).

Модели эссеизации В.Одоевского включают единение философского и художественного дискурсов, субъективацию явлений культуры, открытую авторскую позицию, моделирование сюжета мысли и эффекта ее свободного протекания, диалогичность, литературоцентричность фрагментарность, тесное переплетение повествовательных инстанций «Я» и «Мы», дидактическую и гуманистическую установки.

Такого рода научные изыскания актуальны и ведутся в рамках нашей концепции об органичности жанра эссе в русской литературе, устойчивом жанровом коде русского эссе, русской эссеистической традиции как феномене русской культуры.

Литература

1. Lis K. Satyra i filozofia w poszukiwaniach artystycznych Włodzimierza F. Odojewskiego. – Kielce, 1997. – 166 stor :
2. Кожин В.В. Закон сохранения художества // Литературная учеба. – 1991. – № 6. – С. 54–60.
3. Кюно Ясухико О роли и значении образа «ночи» в «Русских ночах» В.Ф.Одоевского // Slavistika. The Bulletin of Department of Slavic languages and literatures, Graduate School of Humanities and sociology, the University of Tokyo, 1995, No.11, – pp.96-109. (Japanese).

4. Маймин Е.А. Владимир Одоевский и его роман «Русские ночи». // В.Ф. Одоевский «Русские ночи». – Л.: Изд-во «Наука», 1975. – С. 247-277.
5. Манн Ю. В.Ф. Одоевский и его «Русские ночи» // Манн Ю. Русская философская эстетика. – М., 1998. – С. 153-199.
6. Монтень М. Опыт. В 2-х т. - М-Л: Изд-во Академии наук СССР, 1960. – 526 с.
7. Одоевский В.Ф. «Русские ночи» // В.Ф. Одоевский.- Л.: Изд-во «Наука». 1975. – С. 7-243.
8. Хамина А.А. Роман В.Ф. Одоевского «Русские ночи» в аспекте интермедийного анализа // Вестник Томского государственного университета Вып. № 343 / 2011. – С. 23-26.
9. Шестов Л. Апофеоз беспочвенности. Опыт адогматического мышления. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. – 216 с.
10. Эпштейн М. На перекрестке образа и понятия (эссеизм и культура Нового времени) // Парадоксы новизны. – М.: Советский писатель, 1988. – С. 334-380.

Лариса Садыкова

«РУССКИЕ НОЧИ» В. ОДОЕВСКОГО: СТРАТЕГИИ ЭССЕИЗАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются стратегии эссеизации, экспансии принципов эссеистического письма в сферу романа В.Одоевского «Русские ночи». Четко обозначенные взгляды автора, интеллектуальная насыщенность, объединение литературного и философского дискурсов, диалогичность, фрагментарность, нацеленность на поиски, синтетичность существенно модифицируют природу романа, создают новое эстетическое качество и гибридную форму – роман-эссе.

Ключевые слова: русская эссеистика, роман-эссе, стратегии эссеизации, метапроза.

Sadykova Larisa

«THE RUSSIAN NIGHTS» BY V. ODOEVSKY: STRATEGIES OF ESSAYIZATION

Resume. The article deals with the strategies of essayization, expansion of the essayistic writing principles into the realm of V. Odoevsky's novel «The Russian Nights». The author's clearly-defined views, intellectual saturation, integration of literary and philosophical discourses, dialogique character, fragmentariness, the focus on search, its synthetical character substantially modify the nature of the novel, create its new aesthetic quality and hybrid form – novel-essay.

The key words: Russian essay writing, novel-essay, strategies of essayization, metaprose.

Стаття надійшла до редакції 3.05.2016 р.

Садыкова Лариса Володимирівна – доктор філологічних наук, доцент кафедри іноземних мов Інституту журналістики Київського національного університету імені Тараса Шевченка.